

Литература

1. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. М.: Изд-во МГУ, 1989.
2. Ивлев В.Ю., Ивлева Ю.В. Логико-аргументативные основы образовательной культуры. Известия МГТУ «МАМИ» № 1(15), 2013, т. 6. с. 130-137.
3. Ивлев Ю.В. Логика для юристов. М.: Дело, 2003.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.
5. Поварнин С.И. Спор: О теории и практике спора // Вопросы философии. 1990. № 2.
6. Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М.: Изд-во НОРМА, 2000.
7. Толковый словарь русского языка. В 4 тт. т. I. / Под ред. Д.Н. Ушакова.
8. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Эмалян А.М. Банковское право Российской Федерации. М.: Юристъ, 2004.
9. ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // РГ. № 165. 29 июля 2006; СЗ РФ. 31 июля 2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448; ПГ. № 126-127, 03 августа 2006.

Основные культурно-философские предпосылки формирования логики как философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи

д.ф.н. к.психол.н. проф. Ивлева М.Л., д.ф.н. проф. Ивлев В.Ю., к.ф.н. доц. Иноземцев В.А.
 Университет машиностроения,
marinanonna@yandex.ru, 8(499)2671640

Аннотация. В статье рассматривается влияние философов античности на формирование традиций преподавания и становление логики как философской дисциплины в допетровскую и петровскую эпохи, своеобразно интерпретированной Второй схоластикой и вобравшей в себя некоторые концепты Нового времени.

Ключевые слова: схоластика, логика, предпосылки, греко-латино-славянские школы, преподавание философии и логики, образование

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00479 на тему «Философский и логико-методологический анализ развития научного знания в информационном обществе»

Задача выявления культурно-философских предпосылок становления логики в интересующую нас эпоху может быть адекватно решена через анализ трудов философов античности и раннего Средневековья, а также системы образования. Замечательный русский историк А.С. Лаппо-Данилевский так определил основные черты схоластической, т.е. школьной учености: "В средние века христианская церковь устанавливала цели научного знания. Оно должно было представить учение церкви в виде научной системы, в виде правильных умозаключений. Церковная школьная наука, известная под названием схоластики, и приняла на себя исполнение таких требований. Она исходила из авторитета богооткровенных истин, охраняемых церковью, и разрабатывала их путем диалектики" [Лаппо-Данилевский А.С. 1990; 26]. Однако начиная с XIII века, с расцветом так называемой "второй схоластики", все большее значение для школьной учености приобретает философская система Аристотеля. Так, согласно официальному постановлению от 19 марта 1255 г. магистры Парижского университета были обязаны публично комментировать "Метафизику" и другие трактаты, действительно принадлежавшие или приписываемые в то время Аристотелю.

При этом межконфессиональные различия между восточной и западной церквями не являлись жестокой преградой для использования научных и диалектических конструкций античности и раннего Средневековья. Так, знаменитая "Диалектика" Иоанна Дамаскина, основанная на попытке соединения античной мудрости и христианского вероучения, была переведена на славянский язык и известна в русских списках, восходящих к XV веку. Примечательно, что достаточно большой интерес к логике в XIV-XVI века на Руси наблюдается в

контексте ересей. Так, известно, что новгородские еретики XV века комментировали ряд работ по логике. Большой интерес представляет рукопись середины XVI века "Логика Авиасафа", открытая в начале XX столетия А.И. Соболевым и приписываемая Моисею Маймониду (киевский экземпляр этой же рукописи, датируемый 1483 г., обнаружен в начале XX столетия С.Л. Неверовым). Как отмечают Н.И. Стяжкин и В.Д. Силаков, представляет большой интерес русская переводная логическая терминология рукописи: субъект суждения именуется "держатель", предикат – "одержанный", утверждение – "прилог", вывод – "ровнение", суждение – "осуд", умозаключение рассматривается как сложение суждений (сложение высказываний), наряду с логическими приводятся и арифметические аксиомы.

Несмотря на то что постепенная смена средневекового мышления новоевропейским происходит в России только в XVII веке, православно-схоластическая точка зрения обнаруживает себя уже в письменной традиции XV – XVI вв., то есть, по сути, тогда, когда роль и значение схоластики на Западе идет на убыль, уступая место гуманистическим и новременным тенденциям. Кроме того, известно, что православно-русская схоластика черпала содержание своей диалектики (т.е. науки правильного устройства разума) из греческой и греко-византийской учености. Однако западная схоластика, как справедливо пишет А.С. Лаппо-Данилевский, "сумела лучше воспользоваться "языческими книгами" все тех же греческих мудрецов" [Лаппо-Данилевский А.С. 1990; 29], создав передовую для своего времени систему трансляции знания – систему университетов, коллегий и школ.

Школы подобного рода появляются в России только в XVII веке, причем явно с западного, точнее – латино-польского образца, далеко не отличавшегося своей однородностью. Прежде всего, после Базельского собора польская образованность в значительной степени испытала на себе влияние гуманистических тенденций, выражавшихся, однако, не в характере преподавания философских и богословских дисциплин (он был в значительной степени догматизированным), а в изменении того, что принято считать умонастроениями: в трансформации культурной среды. Кроме того, огромную роль в гуманизации польской системы образования сыграла Реформация. Несмотря на то что Польша всегда была и остается и поныне католической страной, реформация пользовалась достаточно большим влиянием среди польской и литовской шляхты, не находя, однако, достаточно сильной поддержки со стороны высшей школы. Так, известный своей близостью к просветительным движениям Возрождения Краковский университет – один из старейших университетов Европы – не решился открыто примкнуть к Реформации, особенно когда начались раздоры между ее сторонниками.

Главными сторонниками антиреформации в Польше были иезуиты – убежденные представители томизма, призванного со времен Тридентского собора быть основной идеологией католицизма. Однако томизм иезуитов в польских коллегиях в значительной степени отличался от реального учения св. Фомы, основанного на необходимости поиска гармонии между верой и разумом, между Библией и Аристотелем и тварью и Творцом. Иезуиты стремились, прежде всего, к тому, чтобы воспитать верных сынов римско-католической церкви, готовых подчинить свой разум ее авторитету, служить ее интересам и защищать их в своих школах. Во главу преподавания ставилось "истинное" схоластическое богословие, которому должны были подчиняться и философия, и наука, при этом философия истолковывалась в духе "истинной схоластической теологии" и в основу философского образования ставилось следование признанному католической церковью авторитету. В силу такого требования профессор философии не должен был ни вводить новых мнений, ни трактовать новых вопросов, основание которого нельзя было найти ни у какого "высокого" автора, ни защищать ничего противного "высоким" авторам – Фоме Аквинскому и Аристотелю. Лишь в тех случаях, когда Аристотель противоречил вере, профессора должны были уклоняться от него и предлагать схоластическую интерпретацию перипатетики.

Таким образом, система образования, рекомендованная иезуитами, не отвечала общим гуманистическим требованиям эпохи, являя собой пример (причем не лучший) католической контрреформации. В этом смысле заслуживает упоминания академия, организованная Яном

Замойским, в которой, помимо обязательного томизма, преподавалась и диалектика стоиков, практическая философия (этика), история и право. Наибольшим авторитетом в академии пользовался Аристотель, именно согласно его учению читалась логика и метафизика. Между тем именно польская образованность в том виде, в каком она сформировалась в период католической контрреформации, оказала огромное влияние на становление русского образования в XVI-XVII веках – латино-польские иезуитские школы предлагали такую систему образования, которая могла стать основанием для борьбы, предпринятой православными братствами против самих же иезуитов. Кроме того, космополитический характер польских школ оказался как нельзя более созвучен глубинным трансформациям внутри самого русского сознания.

Как известно, до конца XVI столетия общий уровень просвещения в России находился не на высокой ступени; школ было мало, да и в тех обучение ограничивалось исключительно умением читать церковно-богослужебные книги и писать, и только со времени люблинской унии и появления в литовско-русских областях иезуитов, когда усиливавшаяся пропаганда католицизма стала серьезно угрожать православию, в южно-русской ученой среде постепенно формируется осознание необходимости научного образования, с учетом того что неправославные коллегии и в особенности коллегии иезуитов славилась как научными формами преподавания (в том числе и латинского языка, бывшего в конце XVI века едва ли не универсальным языком науки), так и огромной эрудицией профессоров. Засилье католических школ приводило к формированию устойчивого мнения о том, что "не маючи своих наук, у науки Римские свои дети давати почали, которые з науками и веры их навькли, и так малопомало науками своими все панство русское до веры Римской привели, иже потомкове княжат русских з веры Православной на Римскую выкрестилися, ... яко-бы николи не зналися быти потомками благочистивых родителей своих" [Архив западных рукописей 1985, 204-205].

Вот что писал Кассиан Сакович о православных, получавших образование в иезуитских школах: "Дети русской шляхты, учась в школах и коллегиях иезуитских, привыкают к церковным образам римской церкви, а вышедши из школы или определяются в военную службу, или поступают ко двору какого-нибудь пана; в этом случае они должны ходить с паном в костел, в военной же службе они принуждены участвовать в исполнении различных католических обрядов; а потом, привыкнув к католическим обрядам, отстают от своих русских; они даже любят, чтобы их называли русскими и им так легко перейти в католичество" [Отечественные записки 1862, 565]. Образованным южно-русцам грозила нешуточная опасность утраты собственной религиозной идентичности. Как свидетельствовал об этом периоде один из ревностнейших поборников православия Константин Острожский, "люди нашей религии упали нравственно, у них господствует леность и нерадение к благочестию; они не только не исполняют своих христианских обязанностей, не защищают церкви Божией и своей старинной веры, но еще и многие из них, насмехаясь над нею, уходят в разные секты и ереси. Епископы не смотрят за своими пастырями, пастыри не проповедуют Слово Божие. Нет у нас учителей, проповедников Слова Божия, нет наук; оттого наступила в церкви истощание славы Божией, наступил глад слушания слова Божия, начались отступления от веры и закона, так что для простого народа все равно, что ни говорили бы ему" [Отечественные записки 1862, 565]. Средневековая проблема чистоты веры теснейшим образом связывается с нововременной проблемой просвещения — пусть как способа соблюдения чистоты веры.

Как считает С. Голубев, именно результатом такого сознания было заведение ревнителями православия братских школ в Остроге, Львове, Вильне и ряде других городов. Прототипом таких школ явилась Львовская. По-видимому, по ее образцу создавались школы в тех городах запада и юго-запада, где зависимость от польского влияния ощущалась наиболее сильно. С самого начала эти школы имеют огромное преимущество перед другими школами — прежде всего, юридического и организационного характера.

Программы наук, преподававшихся в братских школах, фиксировались в патриарших и королевских грамотах, данных этим школам, именуемым как греко-латино-славянские. Из

этих грамот следует, что учеников школ обучали не только чтению и письму, но и завершали образование сообщением сведений философского и богословского характера: "Научивши учеников складывать литеры, потом грамматике учат, притом же и церковному чину, читают и поют, так ныне тому учатся, до больших приступаючи, диалектике и в риторике, которые науки по словенску переведены, русским языком списано диалектику и риторичку и иные философские письма школе надлежаще" [Памятники Киевской временной комиссии 1857, 88]. Следует отметить, что науки философского плана вводились в преподавание постепенно, а иногда и вытеснялись чисто филологическими дисциплинами.

Так, в древнейшей из братских школ – львовской – на первых порах ее существования учили только читать и писать. Потом по благословию патриарха Иоакима в 1586 г. открывается преподавание греческого и славянского языков. Из запрещения Гедона Балабана православным посещать эту школу и слушать "грамматического, диалектического и риторического изучения" явствует, что эти науки читались в львовской школе в конце XVI века, однако есть свидетельства, что до 1620 г. в Богоявленской братской школе учили русской грамматике и латинской словесности, после 1620 г. по благословию патриарха Феофана были введены в круг преподавания греческий и польский языки [Журнал Министерства Народного просвещения 1849, 64]. Примерно такая же программа наук существовала и в других братских школах.

Сам состав наук, изучаемых в школах, не является чем-нибудь новым и восходит к традиционному схоластическому делению (восходящему, в свою очередь, к Боэцию) на "семь благородных искусств" – грамматику, риторичку, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Н. Линчевский совершенно справедливо полагает, что "отрицая содержание языческой науки, братские школы пользовались ее формой" [Линчевский Н. 1870, 132]. Безусловно, в рамках настоящего исследования наибольший интерес представляет собой единственная философская дисциплина – диалектика. К сожалению, ни одного учебника по диалектике, преподаваемой в братских школах, не сохранилось, однако по некоторым документам можно установить, что эта дисциплина отличалась от логики в узком смысле этого слова (в частности, в грамоте Владислава IV, давшего позволение киевским школам изучать науки на греческом и латинском языках с тем условием, "чтобы образование не простиралось далее диалектики и логики" [Акты Древней Киевской академии 1854, 18]). Судя по тому, что учителями в братских школах были в основном греки, можно с большой долей вероятности считать, что основой для преподавания диалектики была "Диалектика" уже упоминавшегося выше Иоанна Дамаскина, одна из задач которой заключалась в объяснении философской терминологии, т.е. в пропедевтике к последующему философскому образованию. Заслуживает внимания тот факт, что знаменитый русский мыслитель и политический деятель Андрей Курбский, имевший непосредственное отношение к братским школам, перевел из "Диалектики" Дамаскина Главу 4 – "О философии"; при этом перед Курбским стояла достаточно трудная по тем временам задача — выработать оригинальную богословско-философскую терминологию на русском языке. Круг философского и логического знания не ограничивался только Дамаскиным, более того, включение иных авторов даже поощрялось уставами школ.

Философия, как и прочие науки, изучалась и по записям лекторов, и по печатным руководствам (о чем имеются документальные свидетельства). При этом очень характерен взгляд братства на традиционную философию и логику, когда в п. 24 "советов о благочестии" советуется всякому мыслящему брату "не основываться на латинских силлогизмах, хитро извращенных, и не обучаться им". Курбский при переводе Главы 4 "Диалектики" Дамаскина также неодобрительно отзывается о языческой силлогистике и софистике, однако негативное отношение к последним связано не с низкой оценкой роли логики и процессе философского мышления в целом, а с извращенными философскими тенденциями тогдашней иезуитской науки.

С началом петровских реформ образование становится светским. Если, как отмечалось

выше, одной из основных задач братских школ было сформировать систему знаний, позволяющих "выжить" в ситуации постоянной римско-католической интеллектуальной экспансии, то цели петровской эпохи иные. Стало очевидно, что на традиционной грамотности нельзя было привить и развить европейское просвещение, познакомить людей с кругом естественно-научных представлений, основами математических и технических знаний.

Вообще говоря, петровская администрация, приступая к реформированию отечественного образования, выказала себя сторонницей крайне утилитарного подхода: "При Петре Первом дворянин учился обязательно "по наряду", по "указной" программе; он обязан был приобрести известные математические, артиллерийские и навигацкие познания, какие требовались на военной службе, приобрести известные познания политические, юридические и экономические, необходимые на службе гражданской" [Ключевский В.О. 1898, 149].

В силу этого петровская администрация преимущественное внимание уделяла организации специальных учебных заведений среднего типа. Артиллерийская и Навигацкая школы Я. Брюса и А. Фарварсона, открывшиеся в 1701 г., медицинское училище доктора Н. Бидлоо, приступившего к обучению в 1707 г., равно как и "цифирные школы", появившиеся на российском педагогическом горизонте в силу указа от 28 февраля 1714 г., не давали ничего, кроме начального специально-технического образования. Так, в Навигацкой школе занятия начинались с грамоты. Учеников разночинцев учили чтению, письму, счету, а затем отправляли в помощники лекарям, либо отсылали в канцелярии. Что касается дворян, то они продолжали заниматься геометрией, тригонометрией, навигацией, астрономией и географией — науками морского офицера. После смерти Петра I эти школы развалились, что становится очевидным из рапорта Адмиралтейской коллегии Сенату, помеченного 1750 годом: "Печально пало любимое детище Петра — «навигацкая наука», - грустно резонирует по данному поводу В.О. Ключевский [Ключевский В.О. 1898, 150].

В деле развития образования, в частности, в успешной трансляции философских знаний, огромную роль играли связи самого разного рода, возникавшие у России с зарубежными странами. Здесь, прежде всего, следует указать на русско-немецкие связи, особенно на контакты с пиетистскими образовательными учреждениями в Галле и Нюрнберге. Сложнее дело обстояло с Польшей, где усилиями членов ордена Иисусова был создан надежный барьер, препятствующий проникновению философских идей, отмеченных печатью деизма и пантеизма (спинозизм, материалистически истолкованное картезианство), на территорию нынешней Украины и косвенно в Россию.

На первом этапе образовательных реформ немаловажное значение имели различные иностранные учебные заведения, большая часть которых находилась в Москве. Здесь, прежде всего, следует упомянуть училище, возглавляемое пробстом Эрнстом Глюком, после смерти которого в 1705 г. училищем этим руководил Вернер Пауз. Помимо простых предметов, составлявших круг начального обучения, лютеранские наставники планировали ознакомить своих воспитанников с «философией картезианской». Иезуиты, державшие в Москве конкурирующее учебное заведение, преподавали латинский язык, математику и военное дело. Даже в далеком Тобольске какое-то время существовала школа пленного шведского офицера фон Вреха. По мере того как национальные учебные заведения становились на ноги, нужда в иностранных школах, естественно, отпадала, процесс этот, однако же, затянулся — так, мы знаем, что и в Александровскую эпоху петербургские иезуитские школы привлекали в свои стены толпы высокородных недорослей.

Средние специальные учебные заведения не восполняли отсутствия высшей школы, а именно университета и академии, где, помимо прочих предметов, преподавалась бы и философия. Попытки создания такой академии прослеживаются с начала XVII века, когда Борис Годунов пытался пригласить в Россию каких-то немецких учителей, от чего ему все же пришлось отказаться по причине противодействия духовенства. В 1632 году в Москве вновь была предпринята попытка создать школу с полным гуманитарным образованием. Так, Адам Олеарий свидетельствует о наличии некоей школы Арсения Грека в 1634 году. Заметными

веками на пути становления академической философии явились: учреждение греко-латинской школы при Патриаршем дворе, более известной в истории под названием Ртищевской (время деятельности 1648-1673 гг.), открытие Спасской школы (действовала с 1665 по 1667 гг.) и, наконец, организация Типографской и Богоявленских школ (в период с 1682 по 1685 гг.). В перечисленных выше учебных заведениях науки не излагались систематически, ученики получали лишь отрывочные, поверхностные знания. Вот почему с открытием Московской славяно-греко-латинской академии деятельность названных училищ постепенно затухает.

Все это не могло не сказаться на характере преподавания философских знаний, и логических знаний в том числе. Профессиональное философское образование в России берет свое начало с лекций, читавшихся в стенах Киево-Могилянской и Московской славяно-греко-латинской академий.

Выводы

Активное влияние культуры Запада, культуры Нового времени, для которой характерно скорее инструментальное восприятие рассудка, сделало с началом петровских преобразований актуальным изучение логики как вспомогательной дисциплины, изучающей способ правильного рассуждения, логики как дисциплины мысли, преподаваемой в университетах или академиях (а не постигаемой через умное делание, начетничество или духовный подвиг). В целом под логикой стала пониматься переводная разновидность аристотелевой логики, своеобразно интерпретированная Второй схоластикой и вобравшая в себя некоторые концепты Нового времени.

Литература

1. Архив западных рукописей. - т. IV - № 149. - с. 204-205.
2. Винтер Э. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Ru? landkund im XVIII-en Jaherunder. - В., 1953.
3. Голубев С.Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (опыт исторического исследования). Т. 1-2. - Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1883-1898. -Т. 1. - с. 414.
4. Ивлев В.Ю., Ивлева Ю.В. Логико-аргументативные основы образовательной культуры. Известия МГТУ «МАМИ» №1(15), 2013, т. 6. с.130-137.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. – Ч.5 // Сочинения: В 9-и томах. – Т.5 – М., 1898.
6. Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII - XVIII вв. - М., 1990; с. 26.
7. Линчевский Н. Педагогика древних братских школ и преимущественно древней Киевской Академии // Труды Киевской духовной академии, 1870. -Т. 3. - с. 106.
8. Неверов С.Л. Логика иудействующих. - Киев, 1909.
9. Отечественные записки. – 1862, Кн. 2, с. 565.Стяжкин Н.И., Силаков В.Д. Краткий очерк истории общей и математической логики в России. - М.. 1962.
10. Памятники Киевской временной комиссии, - Киев, 1857, т. 1, с. 88. Пункт 21 Устава Древнебратской Луцкой школы.
11. Рименцева В.С. Ртищевская школа // Вопросы истории. – 1983 - № 5 – с. 179-184.
12. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси. Сборник отделения русского языка и словесности, т. 74, 1903. с. 101-106.
13. Флоровский А.В. Латинские школы в России в эпоху Петра Первого / Восемнадцатый век. – М.; Л., 1962 – Сб.5 – с. 316-335.
14. Харлампович К. Борьба школьных влияний в допетровской Руси// Киевская старина. - 1902. -№ 6-8. См. также: Bukowski J. Dzieje Reformacyi w Polsce. Krakow, 1883, т. 1.